

**Федеральное государственное автономное учреждение высшего
образования**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

**по результатам подготовленной
научно-квалификационной работы (диссертации)**

Казанцев Артём Евгеньевич

Направление подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология

Профиль (направленность) программы 5.6.2. Всеобщая история

(Новейшее время)

**Аспирантская школа по международным отношениям и зарубежным
региональным исследованиям**

Аспирант _____ /ФИО /

подпись

Научный руководитель _____ /ФИО /

подпись

Директор Аспирантской школы _____ /ФИО /

Москва, 2023

Тема диссертации:

Проблема исторической вины

Японии в китайско-японских отношениях в 2001–2020 гг.

Актуальность темы исследования. Апелляция к памяти об историческом прошлом и манипулирование ею является распространенным инструментом формирования коллективной идентичности народов и легитимации власти. Это отчетливо видно в том числе и на примере сегодняшних событий. В Азии связанные с исторически прошлым проблемы стоят едва ли не более остро, чем на Западе. Это обусловлено тем, что можно назвать ритуальной матрицей общественного сознания на Востоке. Ритуал по определению является возобновляющимся действием¹. Поэтому для восточных обществ память о прошлом является одним из главных конституирующих элементов. Более того, обращения к «древности» на Востоке обладают высокой степенью нормативности и характерны даже для тех случаев, когда для этого по видимости нет реальных оснований. При этом ритуальный социум, утверждающий внутреннюю преемственность всех явлений, ориентирован на сокрытие конфликтов, а не на их разрешение. Оттого возникающие в Азии конфликты крайне ожесточенные, т.к. нарушение ритуала приводит к потере «лица» и непременно требует отмщения.

Примером двух государств, двусторонние отношения между которыми травмированы двумя войнами являются Китай и Япония. В XX веке Японская империя предприняла масштабную попытку по установлению своего порядка в регионе. Кульминацией этой попытки стала китайско-японская война (1931–1945 гг.), именуемая в Китае «антияпонской» или же «пятнадцатилетней» («четырнадцатилетней»). Во время данной войны произошло множество трагических событий, оставивших глубокий след в коллективной памяти китайского народа. Именно к ее событиям обращались многие поколения руководителей КНР, формируя историческую политику. На основе событий

¹ Малявин В.В. Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Роцца, 2019. С. 11.

данной войны выстраивался как внутренний, так и внешний исторический нарратив, в особенности в отношении самой Японии. При Мао Цзэдуне КНР и Япония установили дипломатические отношения. Их основой является признание японцами вины за совершенные ими в Китае преступления. Впоследствии это стало лейтмотивом всех 4 китайско-японских политических документов, регулирующих китайско-японское взаимодействие.

При Дэн Сяопине война начала оказывать влияние внутривнутриполитическую повестку. Об этом свидетельствует позиционирование китайского народа как жертвы японского милитаризма в конституции 1982 года. В целом, при нем началась антияпонская война были преданы широкой огласке – появились мемориалы, печатались обличающие жестокость японцев статьи, снимались фильмы о войне и военных преступлениях японской армии и т.д. При Цзян Цзэмине эта тенденция лишь усиливалась. Однако именно в это время в нарративе начали появляться немногочисленные указания на заслуги Китая.

В конце XX начале XXI века по мере укрепления экономических и политических позиций КНР, а также в связи с особенностями внутривнутриполитической ситуации историческая политика начала претерпевать изменения. При Ху Цзиньтао подчеркивание жертвенности китайского народа в историческом нарративе отошло на второй план. Акцент был смещен на заслуги китайского народа – победителя в войне. При Си Цзиньпине данный паттерн стал доминирующим и память о войне легла в основу национального мифа. Более того, в этот период ввиду множества факторов, таких как национализация Японией островов Дяоюйдао и попытки японцев переписать историю, а также из-за особенностей внутривнутриполитического нарратива Китай начал использовать историческую политику как внешнеполитический инструмент в отношении Японии. Вплоть до настоящего момента КНР активно ее использует с целью укрепления своих позиций в регионе и сдерживания Японии. Однако несмотря на важность изучения исторической

политики КНР как внешнеполитического инструмента в отношении Японии, до настоящего времени данная тема не получила достаточного внимания со стороны исследователей. Основной массив работ посвящен внутривладеполитическому нарративу КНР. Особенности внешнеполитического аспекта исторической политики КНР в них не являются предметом исследования.

Актуальность настоящего исследования также обусловлена состоянием текущих китайско-японских противоречий, касающихся Тайваньского вопроса, вопроса принадлежности островов Дяоюйдао, а также споров вокруг островов в Южно-Китайском море. Их разрешение будет зависеть от согласования разными сторонами конфликтов своих интерпретаций историй. Анализ официального внешнеполитического нарратива КНР в отношении Японии даст представление о китайской позиции по этим вопросам. На основании полученных данных можно будет спрогнозировать тенденцию дальнейшего развития китайско-японских отношений.

Степень разработанности проблемы. Проблемы исторического прошлого в китайско-японских отношениях, а также использование памяти о них в политических целях привлекают внимание множества исследователей. Данные аспекты фигурируют в работах исследователей, занимающихся изучением китайско-японских отношений, конфликтов между данными странами, внутреннего и внешнего исторических нарративов КНР. Для удобства восприятия необходимо разделить работы, являющиеся фундаментом данной диссертации, на несколько групп. Историографические источники, используемые в данном диссертационном исследовании, представлены на русском, английском и китайском языках.

1. Научные труды, касающиеся внешнеполитических отношений Китая и Японии, истории развития данных отношений, а также китайско-японских конфликтов. Авторами основополагающих для данной диссертации

работ являются Б. Видмарович², А.Д. Дикарев³, Л.В. Забровская⁴, А.А. Киреева⁵, А.В. Лукин⁶, С.М. Dent⁷, R. Hoppens⁸, N. Katagiri⁹, К.Р. Clements¹⁰, M. Söderberg¹¹, С. Rose¹², J. Fogel¹³, S. Shen¹⁴, J.C. Weiss¹⁵, Р. Khanna¹⁶, Ц. Лю¹⁷, П. Сунь¹⁸, Л. Цай¹⁹ и др.

Данные работы представляют интерес для нашей диссертации прежде всего с точки зрения хронологии китайско-японских отношений в течение 3 исследуемых периодов: периода военных конфликтов в китайско-японских отношениях (1894–1945 гг.), периода осмысления проблем исторического прошлого (1945–2013 гг.), современного периода (2013–2021 гг.). Отметим работы «История Востока» под редакцией Р.Г. Ланды, Р.Б. Рыбакова, Л.Б.

² Видмарович Б. Политико-исторические проблемы и противоречия в китайско-японских отношениях с 2001 по 2009 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15: утв. 01.12.11. М, 2011. 222 с.

³ Дикарев А.Д. Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №5. С. 162–171.

⁴ Забровская Л.В. Особенности китайско-японских отношений: прагматизм Китая и лавирование Японии // Проблемы национальной стратегии. 2013. №3. С. 67–83.

⁵ Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. №1. С. 21–47.

⁶ Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-китайском море и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №2. С. 5–15.

⁷ Dent С.М. China, Japan and Regional Leadership in East Asia. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2008. 328 p.

⁸ Hoppens R. The China Problem in Postwar Japan. New York: Bloomsbury, 2015. 313 p.

⁹ Katagiri N. Evolution of Sino-Japanese Relations: Implications for Northeast Asia and Beyond [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2019/04/10/evolution-of-sino-japanese-relations-implications-for-northeast-asia-and-beyond/> (дата обращения: 27.01.2021).

¹⁰ Clements К.Р. Identity, Trust and Reconciliation in East Asia. London: Palgrave Macmillan, 2018. 302 p.

¹¹ Söderberg M. Chinese-Japanese Relations in the Twenty-first Century. London: Routledge, 2003. 220 p.

¹² Rose С. Interpreting History in Sino-Japanese Relations. London: Routledge, 2005. 277 p.

¹³ Fogel J. Articulating the Sinosphere. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 217 p.

¹⁴ Shen S., Cheung M. Reshaping nationalism: Chinese intellectual response towards Sino-American and Sino-Japanese relations in the twenty-first century// The Pacific review. 2007. Vol. 20(4). pp. 475-497.

¹⁵ Weiss J.C. Powerful Patriots: Nationalism, Diplomacy, and the Strategic Logic of Anti-Foreign Protest. Ph. D. thesis. San Diego, 2008, 208 p.

¹⁶ Khanna P. The Brilliance of China's Grand Strategy: Don't 'Own' Land, Just 'Use' It [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/the-brilliance-chinas-grand-strategy-dont-own-land-just-use-15741> (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁷ 刘建平. 战后中日关系“不正常”历史的过程与结构 (Лю Ц. «Ненормальные» исторический процесс и структура послевоенных китайско-японских отношений). 北京: 社会科学文献出版社, 2010. 285 页.

¹⁸ 孙平化. 中日友好随想录 (Сунь П. Размышления о китайско-японских дружественных отношениях). 沈阳: 辽宁人民出版社, 2009. 449 页.

¹⁹ 蔡亮. “中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响” (Цай Л. «Эффект сплочения» в конфликте между Китаем и Японией: характеристики и влияние вмешательства Японии в тайваньский впроц) // 东北亚学刊. 2022 年. 第 6 期. 82–95 页.

Алаева²⁰ и «Особенности китайско-японских отношений: прагматизм Китая и лавирование Японии» Л.В. Забровской. Данные научные труды позволили достоверно восстановить хронологию китайско-японских военных конфликтов, а также особенности политического и экономического взаимодействия Китая и Японии в послевоенный период. Не меньший интерес для данной диссертации представляет исследование К.П. Клементса «Identity, Trust and Reconciliation in East Asia», в котором, в частности, анализируются стереотипы взаимного восприятия Китая и Японии на современном этапе. Кроме того, крайне важны работы А.Д. Дикарева и А.В. Лукина «Подход КНР к территориальным спорам в Южно-китайском море и внешняя политика России», А.А. Киреевой «Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем и Японией»²¹, а также Л. Цая «中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响» («Эффект сплочения» в конфликте между Китаем и Японией: характеристики и влияние вмешательства Японии в тайваньский вопрос)». Они позволили детально рассмотреть проблемы, связанные с тремя основными территориальными вопросами КНР: Тайваньскими вопросом, территориальными спорами в ВКМ и ЮКМ. Первая работа особенно ценна периодизацией стратегий поведения КНР в ЮКМ по обретению контроля над акваторией последнего. Во второй работе рассматривается территориальный конфликт вокруг островов Дяоюйдао с точки зрения разграничения акватории. Данная перспектива взгляда на данную проблему способствовала более глубокому пониманию интересов КНР в ВКМ. Третья работа отражает взгляд китайских коллег на японо-тайваньское сотрудничество на основе демократических ценностей. Л. Цай поясняет, что оно используется как предлог для вмешательства во внутренние дела КНР.

²⁰ История Востока / под ред. Р.Г. Ланды, Р.Б. Рыбакова, Л.Б. Алаева. Изд. М.: Восточная Литература, 2006. Т. 5. 715 с.

²¹ Киреева А.А. Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем и Японией // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. №2. С. 231–242.

Также к данной группе следует отнести авторов изучающих мировоззренческие послышки китайско-японских противоречий, а также исследователей, занимающихся изучением специфики китайского традиционного мировоззрения и особенностей ритуального социума. Среди них: В.В. Малявин²², J. Hsiung²³, A. Seligman²⁴, M. Sleeboom²⁵, С. Лю²⁶, Ц. Чэнь²⁷ и др.

Выделим работы В.В. Малявина «Очерк образования и педагогики в старом Китае» и А. Селигмана «Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity». В первой исчерпывающе описывается процесс трансформации ритуала в Китае от архаичных форм как средства «связи с богами и предками» до становления универсальным средством познания мира и принципом космического порядка²⁸. В исследовании А. Селигмана также подчеркивается онтологическая важность ритуальных практик для китайцев. Ученый подчеркивает, что ритуал упорядочивает мир, привносит в него мораль и иерархию.

2. Работы по вопросам особенностей реализации исторической политики (политики памяти) в целом, и касающиеся темы политики памяти в Китае в частности. Изучению феномена исторической памяти, а также политики памяти посвятили свои работы Д.В. Ефременко²⁹, Л.Н. Мазур³⁰, О.Ю.

²² Малявин В.В. Сумерки Дао. М.: АСТ, 2003. – 560 с.

²³ Hsiung J.C. China and Japan at odds : deciphering the perpetual conflict. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 251 p.

²⁴ Seligman A.B. Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity. New York: Oxford University Press, 2008. 248 p.

²⁵ Sleeboom M. Academic Nations in China and Japan. London: Routledge Curzon, 2004. 241 p.

²⁶ Liu X. The Otherness of Self. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. 244 p.

²⁷ Чэнь Ц. Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная? [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Razvitie_i_ekonomika/2013_7/15.pdf (дата обращения: 15.03.2022). С. 134–141.

²⁸ Малявин В.В. Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Роцца, 2019. С. 7.

²⁹ Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб: Изд-во Европейского университета, 2020. – 632 с.

³⁰ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. 2013. №3. С. 243–256.

Малинова³¹, А.И. Миллер³², М. Halbwachs³³, А. Assmann³⁴, J. Assmann³⁵ и др. Данные работы послужили основой для формирования рамок исследовательского определения понятия «историческая политика», приведенного выше. В целом, основоположником исследований памяти (memory studies) является М. Хальбвакс. Работы автора, в основном, посвящены феномену коллективной памяти, т.е. функционированию памяти на коллективном уровне. К фундаментальным работам российской историографии, центральной темой исследований которых является историческая политика, принадлежит сборник научных трудов «Методологические вопросы изучения политики памяти» под редакцией А.И. Миллера и Д.В. Ефременко³⁶. В сборнике содержатся важные для нашего исследования материалы, а именно: статьи, в которых анализируются методологические проблемы изучения политики памяти; исследуется взаимовлияние политики памяти и культурной идентичности, а также раскрывается основная проблематика такого направления, как memory studies. В данном контексте также стоит упомянуть коллективную монографию «Политика памяти в современной России и в странах восточной Европы»³⁷ под редакцией вышеупомянутых авторов. В работе анализируется «использование» темы Второй мировой войны в политике памяти разных стран постсоветского пространства. Особое внимание уделяется взаимодействию мнемонических акторов и их нарративным стратегиям. Также отметим эссе В.В. Малявина из книги «Средоточия» «Память войны и

³¹ Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как элемент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. 2012. №4. С. 179–204.

³² Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et contra. 2018. №3. С. 6–24.

³³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство, 2007. – 343 с.

³⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 324 с.

³⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Изд-во Языки Славянской Культуры, 2004. – 363 с.

³⁶ Миллер А.И., Ефременко Д.В. Методологические вопросы изучения политики памяти. СПб: Нестор-история, 2018. – 224 с.

³⁷ Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб: Изд-во Европейского университета, 2020. – 632 с.

войны памяти», в котором на примере памяти русских о Великой отечественной войне четко разграничивается онтология и психология памяти³⁸. Понимание данного разделения служит необходимым условием для проведения исследований в области политики памяти.

Что касается работ по исторической политике КНР и исследований исторической памяти в КНР, следует выделить работы Ш. Кутулукова³⁹, Я.В. Лексютиной⁴⁰, Б.О. Хубрикова⁴¹, К.А. Denton⁴², J. Gordon⁴³, S. Lu⁴⁴, L. Wang⁴⁵, Q.E. Wang⁴⁶, D. Yang⁴⁷, Ч. Вана⁴⁸, Я. Лю⁴⁹ и др.

Среди выше представленных работ следует выделить главу о исторической политике КНР в книге «Память о Второй мировой войне за пределами Европы», написанную Я.В. Лексютиной. Это одна из немногочисленных в российской историографии попыток комплексно осмыслить трансформацию исторического нарратива КНР с 1949 года по настоящее время (2022 г.). К достоинствам работы относятся подробный анализ терминов наименования «Второй мировой войны» в Китае. Автор исследует особенности употребления терминов «Мировая антифашистская война», «Война сопротивления китайского народа японским захватчикам»,

³⁸ Малявин В.В. Средоточия. Москва: Роща академии, 2011. – 489 с.

³⁹ Кутулуков Ш. Политика памяти в социалистическом Китае. Рига: OmniScriptum Publishing KS, 2013. – 2016 с.

⁴⁰ Память о Второй мировой войне за пределами Европы / науч. ред. А.И. Миллер, А.В. Соловьев. Изд. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 264 с.

⁴¹ Хубриков Б.О. Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое. 2020. №1. С. 66–83.

⁴² Denton K.A. Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 360 p.

⁴³ Gordon J. The Nanking Massacre: Analysis of Japanese and Chinese Interpretation and Remembrance of Nanking 1940s-The Present. [Электронный ресурс]. URL: <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/69487> (дата обращения: 05.09.2021).

⁴⁴ Lu S. The Nanjing Massacre: Primary Source Records and Secondary Interpretations – A Textual Critique of Bob Tadashi Wakabayashi's Review // China Review International. 2013. №3-4. pp. 259–282.

⁴⁵ Wang L. 'The century of humiliation' and the politics of memory in China // Leviathan. 2020. № 1. pp. 38–42.

⁴⁶ Wang Q.E. The Study of "Comfort women": Revealing a Hidden Past—introduction [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00094633.2019.1691414> (дата обращения: 05.09.2021).

⁴⁷ Yang D. Convergence or divergence? Recent historical writings on the rape of Nanjing // American Historical Review. 1999. Vol. 104. №3. pp. 842–865.

⁴⁸ Wang Z. Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics. New York: Columbia University Press, 2012. 312 p.

⁴⁹ 刘燕军. 南京大屠杀的历史记忆 (Лю Я. Историческая память о Нанкинской резне) // 抗日战争研究. 2009 年. 第 4 期. 5–22 页.

«антияпонская война» и «четырнадцатилетняя война сопротивления». Однако при описании внутреннего исторического нарратива в работе упускается из виду период правления Ху Цзиньтао. Как будет показано в данной диссертации, он оказал важное влияние на исторический нарратив, выстраиваемый при Си Цзиньпине. Также выделим работу Б.О. Хубрикова «Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина». Как следует из названия, она ограничена лишь периодом правления Си Цзиньпина. Основной идеей данной работы является инициированное КПК переключение «режима памяти» о Второй мировой войне с «памяти жертвы» на «память победителей». Интересно, что тенденция изменения нарратива возникла не при Си Цзиньпине, а еще в конце 1980-х гг., что подтверждается в обстоятельной работе П. Кобла⁵⁰. Также в работе, по понятным причинам, опускается анализ исторического нарратива КНР при предшествующих правителях. Помимо этого, Б.О. Хубриков указывает на роль политики Си Цзиньпина в формировании консолидирующих нацию мифов. Основным является миф о 3 сентября, знаменующий переход к памяти победителей. Прежний нарратив «столетия унижений», культивирующий образ жертвы, ученый считает анахронизмом⁵¹. Однако очевидно, что консолидации может служить как образ жертвы, так и образ героя. Они не исключают, а дополняют друг друга, и в равной степени вписываются в концепцию «Великого возрождения китайской нации». Актуальность образа жертвы в современной китайской политике подчеркивает Л. Ван⁵².

3. Работы, посвященные влиянию исторических нарративов, формируемых исторической политикой на китайско-японские отношения. Фундаментальными исследованиями в данной области занимаются П.В.

⁵⁰ Coble P.M. China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // *The China Quarterly*. 2007. № 190. P. 398.

⁵¹ Хубриков Б.О. Политика памяти в эпоху Си Цзиньпина. С. 79.

⁵² Wang L. 'The century of humiliation' and the politics of memory in China // *Leviathan*. 2020. № 1. pp. 38–42.

Кульнева⁵³, В.А. Перминова⁵⁴, К.А. Санин⁵⁵, Д.В. Стрельцов⁵⁶, Р. Coble⁵⁷, Y. He⁵⁸, J. Reilly⁵⁹, R. Mitter⁶⁰, A.W. Moore⁶¹, Y. Chan⁶², Z. Jian⁶³ и др.

Работы данных авторов имеют фундаментальную значимость для настоящего диссертационного исследования. Одной из важнейших работ по теме диссертации в российской историографии является статья В.А. Перминовой «Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века». Несомненным достоинством работы является подробный анализ формирования памяти об антияпонской войне (фундамента нынешней исторической политики КНР) в послевоенном Китае. Во внешнеполитических реалиях того времени главными соперниками КНР были США и СССР (с конца 1960-х), а не Япония⁶⁴. Этот фактор был одним определяющих в вопросе замалчивания послевоенных преступлений в маоистском Китае. Важно, что фундаментальной работой по этому периоду в зарубежной историографии является книга «World War Two legacies in East Asia. China remembers the war» китайского автора Я. Чана. Также следует отметить работу И. Хэ, в которой раскрывается тенденциозность интерпретации исторических событий в КНР. В Китае, утверждает Хэ, интерпретации ис-

⁵³ Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // Японские исследования. 2020. № 4. С. 21–39.

⁵⁴ Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. 2021. №4. С. 80–90.

⁵⁵ Санин К.А. Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. №3(20). С. 48–59.

⁵⁶ Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. №4. С. 78–97.

⁵⁷ Coble P.M. China's «new remembering» ... pp. 394–440.

⁵⁸ He Y. Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // History & Memory. 2007. №2. pp. 43–74.

⁵⁹ Reilly J. Remember History, Not Hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. pp 463–490.

⁶⁰ Mitter R. China's Good War: How World War II Is Shaping a New Nationalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 336 p.

⁶¹ Mitter R., Moore A. China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. pp 225–240.

⁶² Chan Y. World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. London, New York: Routledge, 2018. 238 p.

⁶³ Jian Z. The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations // China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past? / Ed. Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. pp. 15–34.

⁶⁴ Перминова В.А. Память о войне ... С. 83.

тории основываются не на научных фактах, а находятся в зависимости от идеологической линии партии и от изменчивых интересов китайских элит⁶⁵. Изменчивость интересов элит в КНР, в частности, раскрывается в работе Дж. Райли «Remember History, Not Hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan». Автор вскользь затрагивает необходимость изменения исторического нарратива КНР при Ху Цзиньтао, ввиду дестабилизации внутривластной ситуации. Также важно отметить работу П. Кобла «China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945». Она примечательна анализом предпосылок и следствий «обновления памяти» о войне в КНР, т.е. виктимизации образа Китая, культивации национализма и ресентимента в китайском обществе.

При всех достоинствах вышеописанных работ внешнеполитический исторический нарратив КНР в отношении Японии в них практически не рассматривается. Этому есть причины – историческая политика начала использоваться как инструмент в отношении Японии именно с периода Си Цзиньпина. Данный период еще фундаментальным образом не осмыслен. Однако даже в свежих работах исследователей больше привлекает внутренний исторический нарратив КНР и используемые КПК способы легитимации власти, нежели внешнеполитический нарратив в отношении Японии. Данного вопроса касался упомянутый выше К.А. Санин. Однако полноценно проанализировать внешнеполитический нарратив в отношении Японии по Тайваньскому вопросу, а также вопросам спорных островов в ВКМ и ЮКМ в рамках статьи не представляется возможным. К тому же автор уделил большее внимание СССР, а не Японии.

Проблема и новизна исследования.

⁶⁵ He Y. Remembering and ... P. 67.

В начале XXI века Китай обрел статус одной из крупнейших мировых экономических держав. При этом свои политические амбиции, следуя завету Дэн Сяопина «держаться в тени», он долго скрывал. И хотя формально Китай и сейчас остается верен этому принципу, с приходом пятого поколения руководителей во главе Си Цзиньпином политика фактически изменилась. Сейчас КНР примеряет на себя роль регионального лидера и активно набирает политическую мощь. Это прямо следует из концепции китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации», которая является основой нынешнего политического курса КНР. В ее рамках с целью обретения все большего влияния на суше и море, КНР стремится решить основные задачи по «по воссоединению родины» – Тайваньский вопрос, территориальный спор вокруг островов Дяоюйдао, а также получить под свой контроль острова в Южно-Китайском море.

Все вышеперечисленные вопросы так или иначе касаются Японии. С целью их разрешения в свою пользу КНР начала использовать историческую политику в качестве внешнеполитического инструмента в отношении Японии. Однако причины, по которым Китай использует именно этот инструмент, а также особенности внешнеполитического нарратива и его эффективность остаются неясны. При этом китайско-японские отношения при Си Цзиньпине характеризуются усиливающимся напряжением. В последние годы в белой книге по обороне Японии много внимания уделяется «китайской угрозе». Кроме того, лидер пятого поколения руководителей со своим японским визави еще не подписали совместный китайско-японский политический документ. Этим отметились все предыдущие руководители КНР. Последний китайско-японский политический документ был подписан при Ху Цзиньтао, что тоже свидетельствует о стагнации китайско-японских отношений. Это обуславливает необходимость изучения влияния исторической политики КНР на отношения Китая и Японии.

Объектом исследования является историческая политика КНР.

Предметом исследования выступают особенности исторической политики КНР как инструмента в отношении Японии в указанный период.

Цель исследования — определить особенности внешнеполитического нарратива КНР в отношении Японии в период с 2013 по 2021 гг. и его влияние на китайско-японские отношения.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать основные исторические события, оказавшие влияние на историческую политику КНР на современном этапе;
2. Проанализировать динамику китайско-японских отношений с момента образования КНР и определить основные этапы изменения содержания исторической памяти китайцев о событиях, связанных с историческим прошлым;
3. Выявить основные геополитические интересы КНР, связанные с проблемами исторического прошлого китайско-японских отношений;
4. Выявить специфику исторической политики КНР. Проанализировать особенности ее формирования и причины ее трансформации;
5. Определить причины формирования исторической политики КНР как инструмента в отношении Японии;
6. Выявить особенности внутривнешнеполитического исторического нарратива КНР по вопросам, связанным с историей китайско-японских отношений;
7. Определить специфику исторической политики КНР как инструмента Китая в отношении Японии.

Указанные задачи предопределили комплексное применение конкретных научных методов:

- **историко-сравнительный метод** дал возможность сопоставить разные этапы японо-китайских внешнеполитических отношений в рамках рассматриваемого периода;
- **историко-генетический метод** позволил проследить эволюцию исторической политики КНР;
- **метод дискурсивного анализа** позволил выявить особенности внутриполитического и внешнеполитического нарратива КНР в течение исследуемого периода.

Информационная база исследования. Источниковая база данного диссертационного исследования может быть разделена на четыре группы. Критерием выступает вид исторического источника.

Источники, используемые в данном диссертационном исследовании, представлены на русском, английском и китайском языках. Что касается документов, некоторые из них, например договор о мире и дружбе между КНР и Японией, представлены на языке стран участниц. Нас интересует, в первую очередь, китайская версия.

К первой группе следует отнести акты-источники, а именно договорные источники, фиксирующие единый курс развития Китая и Японии.

Ко второй группе относятся заявления официальных представителей КНР по вопросам китайско-японских отношений. Также к ней относятся выступления председателей, приуроченные к важным событиям. Данная группа источников является ключевой для нашего исследования в связи с тем, что в заявлениях официальных представителей КНР выражается официальная точка зрения китайского руководства по вопросам китайско-японских отношений.

К третьей группе следует отнести материалы СМИ и интернет источники, а именно материалы из интернет-журналов, форумов, блогов, а также различные интернет-статьи.

Рассмотрим первую группу поподробнее. К ней относятся договорные источники, фиксирующие единый курс развития Китая и Японии. Прежде всего это 4 китайско-японских политических документа: Китайско-японское совместное заявление от 1972 г.⁶⁶, Китайско-японский договор о мире и дружбе от 1978 г.⁶⁷, Китайско-японская совместная декларация от 1998 г.⁶⁸ и Китайско-японское совместное заявление по всестороннему развитию стратегических взаимовыгодных отношений от 2008 г.⁶⁹ На основании данных документов регулируются китайско-японские отношения. В данной связи необходимо упомянуть консенсус по 10 пунктам⁷⁰, достигнутый Си Цзиньпином и Синдзо Абэ. Он не имеет статуса, сравнимого с китайско-японскими политическими документами, однако является важной попыткой стабилизировать отношения в кризисный период.

Кроме того, одним из ключевых вопросов, стоящих перед Китаем и Японией, является вопрос принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку). Регулирование китайско-японских отношений по этому вопросу осуществляется на основании консенсуса по 4 пунктам⁷¹. Достижение данного

⁶⁶ 日本国政府和中华人民共和国政府联合声明 (Совместное заявление правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cn.emb-japan.go.jp/itpr_zh/bunken_1972seimei.html (дата обращения: 05.09.2023).

⁶⁷ 中日和平友好条约 (Китайско-японский договор о мире и дружбе) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/201807/t20180726_9866505.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

⁶⁸ 中日关于建立致力于和平与发展的友好合作伙伴关系的联合宣言 (Совместная декларация Китая и Японии об установлении дружественного партнерства и сотрудничества, приверженного миру и развитию) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/199811/t19981126_269878.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

⁶⁹ 中日关于全面推进战略互惠关系的联合声明 (Совместное заявление Китая и Японии о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676836/1207_676848/200805/t20080508_7993021.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

⁷⁰ 外交部官员：习近平会见安倍晋三 双方达成十点共识 (Представитель МИД КНР: Си Цзиньпин встретился с Синдзо Абэ, и обе стороны достигли консенсуса по десяти пунктам) [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-06/27/c_1124681233.htm (дата обращения: 05.09.2023).

⁷¹ 中日就处理和改善中日关系达成四点原则共识 (Китай и Япония достигли принципиального консенсуса из четырех пунктов по урегулированию и улучшению китайско-японских отношений) [Электронный ресурс].

консенсуса позволило КНР и Японии преодолеть кризис двухсторонних отношений, спровоцированный национализацией островов Дяоюйдао в 2012 г. Помимо этого, на сайте посольства КНР в Японии имеется ряд заявлений, выражающих претензии японской стороне по поводу нежелания признавать данные острова китайской территорией. Одним из таких документов является заявление комитета по иностранным делам Народного политического консультативного совета Китая по поводу объявления японского правительства о «покупке» острова Дяоюйдао и прилегающих к нему островов⁷². На основании данных источников выявлены официальная позиция Китая по вопросу спорных территорий, претензии, предъявляемые японской стороне, а также проанализированы официальные действия двух государств по достижению консенсуса. Помимо этого, данный вид источников дал возможность проследить историю взаимоотношений исследуемых стран, а также выявить геополитические интересы КНР, связанные с Японией.

Ко второй группе относятся публичные выступления и заявления официальных представителей КНР по вопросам как геополитической ситуации в Восточной Азии в целом, так и китайско-японских отношений в частности. Например, ответ официального представителя МИД КНР Цинь Гана на вопрос корреспондента о высказываниях министра иностранных дел Японии о так называемой «китайской военной угрозе»⁷³, ответы представителя МИД КНР Кун Цюаня на вопросы корреспондентов на пресс-конференции⁷⁴, ответы официального представителя МИД КНР Лю Цзяньчао

URL: http://sapporo.china-consulate.gov.cn/chn/zrdt/201411/t20141117_5275936.htm (дата обращения: 05.09.2023).

⁷² 全国人大外事委员会就日本政府宣布“购买”钓鱼岛及其附属岛屿发表声明 (Комитет по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей выступил с заявлением по поводу заявления японского правительства о «покупке» островов Дяоюйдао и прилегающих к ним островов) [Электронный ресурс]. URL: http://jp.china-embassy.gov.cn/zrgxnew/zywjnew/201209/t20120912_9463635.htm (дата обращения: 05.03.2021).

⁷³ Ответ официального представителя МИД КНР Цинь Гана на вопрос корреспондента о высказываниях министра иностранных дел Японии о так называемой "китайской военной угрозе" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chineseembassy.org/rus/xwfw/fvrth/fyrbthdhdw/t228117.htm> (дата обращения: 05.03.2021)

⁷⁴ Ответы представителя МИД КНР Кун Цюаня на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 21 сентября 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxizhzhdh/tl91969.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

на вопросы корреспондентов на пресс-конференции⁷⁵, заявление министра иностранных дел Ван И, сделанное в связи с посещением Синдзо Абэ храма Ясукуни⁷⁶ и т.д. Кроме того для данного исследования крайне важны официальные речи председателей КНР. Например, выступления председателей на съездах КПК, их официальные речи, приуроченные к празднованиям годовщин антияпонской войны и т.д. Важно, что в работе анализируется доклад Си Цзиньпина на XX съезде КПК, сделанный в 2022 году. Хотя этот год выходит за хронологические рамки нашего исследования, сам доклад представляется очень важным, так как в нем отражены основные результаты работы руководства КНР на протяжении исследуемого нами периода.

К данной группе также следует отнести официальные сайты министерств, на которых публикуются заявления правящей элиты КНР и Японии. В качестве основных были использованы два следующих сайта: сайт Госсовета КНР⁷⁷ и сайт Министерства Иностранных Дел КНР⁷⁸. Помимо них были использованы сайты посольства КНР в России⁷⁹, посольства КНР в Японии⁸⁰, посольства Японии в КНР⁸¹. Все источники отбирались вручную, по ключевым словам, с помощью основных поисковых систем сайтов. Это позволило с большой точностью определить репрезентативную выборку необходимых материалов. На основании данного вида источников выявлены особенности внешней политики, проводимой высшим руководством КНР, а

⁷⁵ Ответы официального представителя МИД КНР Лю Цзяньчао на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 23 июня 2005 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t201345.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

⁷⁶ Заявление министра иностранных дел Ван И [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1116500.shtml (дата обращения: 05.03.2021)

⁷⁷ Госсовет КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.cn> (дата обращения: 10.03.2021).

⁷⁸ МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/> (дата обращения: 10.03.2021).

⁷⁹ Посольство КНР в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/lsw/> (дата обращения: 10.03.2021).

⁸⁰ Посольство КНР в Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://jp.chineseembassy.org/chn/> (дата обращения: 10.03.2021).

⁸¹ Посольство Японии в КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.cn.emb-japan.go.jp/itprtop_zh/index.html (дата обращения: 10.03.2021).

также особенности геополитического курса Китая. Помимо этого, данные источники дали возможность выявить официальную позицию представителей КНР по вопросам трактовки исторических событий, связанных с китайско-японскими отношениями, и, следовательно, исследовать особенности проводимой Китаем исторической политики.

К третьей группе, в свою очередь, относятся материалы СМИ и интернет источники. Напомним, что в настоящем исследовании в основном будут использованы официальные заявления и обращения МИД КНР и других высокопоставленных чиновников. Это связано с тем, что в СМИ они лишь дублируются. К официальным средствам массовой информации Китая относятся информационное агентство Синьхуа (新华)⁸², ежедневная газета Жэньминь Жибао (人民日报)⁸³, общественно-политическая газета China Daily (中国日报)⁸⁴. Помимо этого, интерес представляют крупные западные СМИ, такие как BBC News⁸⁵, CNN⁸⁶ и др. Представленные средства массовой информации позволили определить особенности транслируемой обществу точки зрения на отношения.

Основные результаты исследования.

- Уточнены причины и временные рамки трансформации исторического нарратива КНР от акцентуации жертвенности к культивации образа победы в войне;
- Доказана инструментализация исторической политики КНР в отношении Японии в течение указанного периода (при пятом поколении руководителей во главе с Си Цзиньпином);

⁸² Синьхуа (新华) [Электронный ресурс]. URL: <http://m.xinhuanet.com/> (дата обращения: 10.03.2021)

⁸³ Жэньминь Жибао (人民日报) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 12.03.2021).

⁸⁴ China Daily (中国日报) [Электронный ресурс]. URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/> (дата обращения: 12.03.2021).

⁸⁵ BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world/asia/china> (дата обращения: 10.03.2021).

⁸⁶ CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/china> (дата обращения: 10.03.2021)

- Выявлена взаимосвязь внутреннего и внешнего исторических нарративов КНР. Внутренний исторический нарратив КНР предполагает жесткую внешнюю риторику. Однако на формирование внутреннего исторического нарратива оказала влияние внешнеполитическая ситуация;
- Показана связь исторической политики КНР (в частности, в отношении Японии) с традиционной для Китая ритуальной культурой;
- Проведен комплексный анализ внешнеполитического нарратива КНР по Тайваньской проблеме и территориальным вопросам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Выявлены ключевые аспекты исторической политики КНР в отношении Японии по этим вопросам. Показано влияние данного нарратива на китайско-японские отношения на современном этапе.

Положения на защиту:

1. Переход к риторике победителей во внутривластном нарративе КНР был подготовлен и начал осуществляться не при Си Цзиньпине, а при его предшественнике – Ху Цзиньтао в силу необходимости решения внутривластных задач и согласования внутривластных интересов. При Си Цзиньпине он достиг своей кульминации.
2. Историческая политика как инструмент КНР в отношении Японии начала активно использоваться в период руководства Си Цзиньпина с 2013 (2012) года. Это связано с осложнением китайско-японских отношений в 2012 году, тенденцией к переосмыслению истории японцами, особенностями внутреннего нарратива и внешнеполитического курса КНР.
3. Внутренний и внешнеполитический нарративы КНР тесно связаны – ужесточение первого подразумевает усиление второго. Однако руководство КНР с целью получения фактического доступа к островам Дяоюйдао и

акватории ВКМ формально допускает возможность компромисса с Японией по этому вопросу. Это не характерно для внутреннего исторического нарратива. Фактически же Китай не готов поступиться суверенитетом.

4. Ядром внешнеполитического нарратива КНР в отношении Японии является память о китайско-японской войне (1931–1945 гг.), т.к. основой внешнеполитических отношений Китая и Японии является признание последней вины за развязанную войну. В целом, исторический нарратив КНР подразумевает моральную правоту Китая. В связи с этим официальные лица КНР заявляют о необходимости покаяния и переосмысления истории. В этом заключается ритуальный аспект китайской политики.

5. Китай выстраивает свой исторический нарратив с целью занять лидирующие позиции в азиатском регионе. С помощью него КНР оправдывает территориальную экспансию и пытается добиться политических выгод от образа освободителя региона от «японской угрозы». Поэтому Китаю выгодно транслировать негативный образ Японии и навязывать последней чувство вины. Это оказывает крайне негативное влияние на состояние китайско-японских отношений.

Структура и краткое содержание исследования. В 1 главе рассматриваются три периода: период военных конфликтов в китайско-японских отношениях (1894–1945 гг.), период осмысления проблем исторического прошлого (1945–2013 гг.), современный период (2013–2021 гг.). Первый исследуется в параграфе 1.1.1 с целью анализа основных событий китайско-японских войн, впоследствии оказавших влияние на историческую политику КНР в отношении Японии. Второй и третий периоды исследуются в параграфах 1.1.2 и 1.1.3. Они включают анализ влияния памяти о событиях военного периода на внутреннюю повестку, а также на китайско-японские отношения. Также в них выявляются основные китайско-японские противоречия, связанные с войнами, и фиксируются ключевые точки

изменения исторического нарратива КНР. Разделение на два периода обусловлено необходимостью четко определить внутри и внешнеполитическое положение КНР в момент прихода к власти нового поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином. При анализе особое внимание было уделено происходившему на протяжении всей истории КНР до 2021 года изменению содержания исторической памяти о китайско-японской войне (1931–1945 гг.) – самой болезненной точке китайско-японских отношений в целом, а также влиянию памяти о ней на китайско-японские отношения.

Было установлено, что как память о войне, так и китайско-японские отношения с течением времени трансформировались. В первые послевоенные десятилетия КНР события войны замалчивались. Память о войне хранили в основном хранили ветераны и очевидцы событий, поэтому она была крайне неоднородной. Впоследствии события войны, наоборот, были преданы огласке и стали ядром исторической политики КНР. Вплоть до начала XXI века Китай позиционировался как жертва японских и западных империалистов. Однако с наступлением нового тысячелетия официальная пропаганда КНР начала все больше акцентировать внимание не на неудачах Китая, а на заслугах. Так начал формироваться «победный» нарратив. Позже при Си Цзиньпине победа в войне стала ядром национальной памяти, национальным мифом.

Состояние китайско-японских отношений также не было статичным. Они развивались от полного отсутствия политических контактов при нестабильных экономических связях до нормализации отношений и подписания «Договора о мире и дружбе», способствовавшего глобальному расширению как политических и экономических, так и культурных контактов между Китаем и Японией. И хотя были моменты обострения, в целом, отношения вплоть до национализации Японией островов Дяоюйдао в 2012 году оставались стабильными. В первые годы после национализации

(особенно 2013) китайско-японские отношения были на самом низком уровне с момента их нормализации в 1972 году. Впоследствии после достижения консенсуса по 4 пунктам напряжение удалось снизить, однако пятому поколению руководителей во главе с Си Цзиньпином не удалось улучшить отношения даже до уровня своего предшественника. Об этом свидетельствует тот факт, что при всех предыдущих председателях неизменно подписывался один китайско-японский политический документ. В период пребывания у власти в КНР пятого поколения руководителей главы стран лишь подтверждали намерение соблюдать принципы 4 китайско-японских политических документов. Довольно низкий уровень китайско-японских отношений во многом связан с особенностями внешнеполитического курса КНР – активизацией попыток распространить свое влияние на Тайвань, острова Дяоюйдао и острова в Южно-Китайском море.

В параграфе 2.1 рассматриваются основные геополитические интересы современной КНР, имеющие отношение к истории китайско-японских отношений: Тайваньский вопрос и проблема территориальной принадлежности островов Дяоюйдао. Кроме того, анализируется проблема принадлежности островов в Южно-Китайском море, так как ее происхождение руководство КНР также связывает с китайско-японской войной (1931–1945 гг.). Более того вопрос принадлежности островов ЮКМ на современном этапе напрямую касается китайско-японских отношений. В параграфе подробно рассматривается генезис проблем и обосновывается важность их решения как для КНР, так и для Японии.

Было выявлено, что решение территориальных проблем в свою пользу принесет как экономическую, так и политическую выгоду стране-бенефициару. Для КНР это в первую очередь укрепление власти КПК и усиление геополитического влияния в регионе. Однако подтверждающие права Китая на владение «утраченными» территориями аргументы не могут являться достаточным основанием для решения конфликтов в пользу КНР.

Исторические аргументы последней в пользу принадлежности Дяюйдао и островов в ЮКМ Китаю не находят юридического подтверждения. Документально подтверждён лишь факт передачи Китаю Тайваня. Однако, во-первых, Тайвань не является частью Японии. Японо-тайваньское сотрудничество, против которого выступает КНР, основывается на общности интересов и ценностей, возникшей ввиду специфических исторических условий. В настоящее время сотрудничество является взаимовыгодным и во многом иницируется руководством Тайваня. Поэтому Япония формально не нарушает своих обязательств перед Китаем. Во-вторых, статус Тайваня как части Китая закреплён в Каирской и Потсдамской декларациях, в частности подписанных представителями Японии и Китайской Республики, а не КНР. Формально последняя не имеет отношения к этим документам. Таким образом, КНР не имеет формального права предъявлять территориальные претензии к Японии. Однако возвращение территорий – одна из главных целей политического курса, во многом определяемого концепцией китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации». Она предполагает особые конфигурацию и способы использования исторической политики.

Во 2 главе подробно анализируется историческая политика КНР. В параграфе 2.1 исследуются причины и цели трансформации исторического нарратива КНР. Выявляется период начала использования исторической политики как внешнеполитического инструмента в отношении Японии.

Было выявлено, что в первые послевоенные десятилетия ключевым интересам КНР соответствовали торгово-экономические связи с Японией. К тому же внешнеполитическая ситуация располагала к партнерству. Поэтому внимания на преступлениях японцев в Китае на государственном уровне в тот период не акцентировалось. Память о войне хранили ветераны и очевидцы событий. Этот период «иллюзорной дружбы» имел два ключевых следствия. Во многом благодаря нему в 1972 году удалось установить внешнеполитические контакты с Японией, что способствовало выходу из

дипломатической изоляции. Кроме того, сближение с Японией в тот период давало возможность успешного стратегического сдерживания СССР. Однако замалчивание травмирующих для населения Китая событий крайне негативным образом влияло на восприятие японцев китайцами. При этом несмотря на фундаментальность закрепленного в совместном заявлении правительства КНР и Японии от 1972 года условия нормализации отношений на основе покаяния японцев за развязанные в отношении Китая войны, Япония, очевидно, начала постепенно растождествляться с образом агрессора. Однако важно, что до начала 1980-х годов это не оказывало явного влияния на китайско-японские отношения.

В 1982 году произошел первый весомый китайско-японский конфликт на почве памяти о войне – инцидент с учебниками истории. В этот период для китайцев стала очевидна тенденция переосмысления японцами истории агрессии. При этом Китай в тот момент находился в упадке как с экономической, так и с политической точки зрения. Совокупность этих факторов сподвигла второе поколение руководителей во главе с Дэн Сяопином придать исторической политике более «патриотическое» звучание. Преступления японцев в Китае были преданы огласке. В историческом нарративе Китай начал позиционироваться жертвой японского и западного империализма. С внутривнутриполитической точки зрения это позволило оправдать бедность населения в условиях кризиса социалистической идеологии и легитимизировать власть КПК. С внешнеполитической – дало основание требовать от Японии компенсаций за причиненный ущерб, от которых отказался Мао Цзэдун. Подобной тактики придерживался и последователь Дэн Сяопина Цзян Цзэминь. Она позволила КНР преодолеть экономический кризис и начать стремительно развиваться. Однако позиционирование Китая как жертвы после длительного периода замалчивания трагических событий привело к росту ресентимента и антияпонских настроений в китайском обществе.

В начале XXI века во время правления Ху Цзиньтао подъем ресентимента стал угрожать внутренней стабильности государства. Об этом свидетельствуют масштабные антияпонские протесты 2005 года. При этом Китай как жертва слабо коррелировал с Китаем времен Ху Цзиньтао, приближавшегося к статусу второй экономики мира. Необходимо было трансформировать исторический нарратив, чтобы получить возможность оказывать давление на Японию с позиции силы. Поэтому Китай начал позиционироваться ни как жертва, а как победитель в войне. Это позволило подавить ресентимент и в то же время получить удобный рычаг давления на Японию. Важно, что при Ху Цзиньтао исторический нарратив не был слишком жестким. У четвертого поколения руководителей была политическая воля поддерживать высокий уровень китайско-японских отношений. За исключением отдельных эксцессов, фон двусторонних отношений в тот период был благоприятным. При этом внутренние противоречия, такие как социальное расслоение, снижение позитивного имиджа КПК продолжали накапливаться.

Транзит власти от четвёртого поколения руководителей к пятому был ознаменован национализацией островов Дяоюйдао японцами в 2012 году. Данное событие во многом повлияло на будущую политику Си Цзиньпина в отношении Японии. Помимо этого, с 2012 года японцы начали предпринимать активные попытки избавиться от комплекса жертвы, что трактуется китайцами как забвение истории войны и возрождение милитаризма. Также важно, что хотя при Ху Цзиньтао произошел переход к победному нарративу и удалось снизить ресентимент, японцы продолжали восприниматься китайцами крайне негативно. На это наслаивались описанные выше внутренние проблемы.

В данных условиях новое руководство КНР принимает решение создать из победы в войне объединяющий нацию миф. Тем более, что почва для этого была подготовлена при Ху Цзиньтао. Победа объявляется

руководством смывающей все унижения поворотной точкой на пути к возрождению нации. Основанный на победе в войне нарратив подразумевает моральную правоту и позволяет занять более жесткую позицию в отношении Японии. При этом важно, что концепция китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации», на основе которой выстраивается внешнеполитический курс КНР, подразумевает возвращение всех «исконно китайских» территорий «на родину». Так воссоединение с Тайванем, обретение влияния над островами Дяоюйдао и островами в Южно-Китайском море – одна из главных задач для Си Цзиньпина как руководителя КНР.

Ужесточение внутреннего нарратива, новый виток переосмысления истории агрессии японцами, а также необходимость добиться успеха в деле воссоединения родины обуславливают инструментализацию исторической политики КНР во время правления Си Цзиньпина. Анализ источников показал, что историческая политика КНР в отношении Японии по Тайваньской проблеме, вопросам принадлежности Дяоюйдао и островов в ЮКМ начала активно использоваться именно в этот период. Исключение составляет лишь политика памяти по вопросу островов Дяоюйдао. Ее активизация формально произошла до 2013 года, в связи с национализацией островов. Однако тогда уже осуществлялся транзит власти и Си Цзиньпин возглавлял КПК. Поэтому исходному тезису это не противоречит.

При этом важно подчеркнуть связь внутреннего и внешнего аспектов исторической политики КНР. Спровоцированный национализацией островов Дяоюйдао китайско-японский конфликт стал поводом для ужесточения внешней риторики, что оказало влияние также и на внутренний нарратив. Однако опирающийся на концепцию китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации» и не предполагающий множественных трактовок истории внутренний нарратив задает жесткие рамки для внешнего.

Далее в параграфе 2.2 показывается ритуальная подоплека исторической политики КНР, задающая особые рамки для формирования памяти в Китае. Это проявляется и в исторической политике КНР в отношении Японии.

Исследование показало, что понятие ритуала в китайской традиции тесно связано с историей. Поэтому нарушение задаваемого КПК единообразного исторического нарратива воспринимается китайцами как нарушения ритуала. На практике это можно определить по форме обращенных к японцам высказываний и специфической терминологии – просьбам принести извинения, вместо требований формальных репараций и использований в нарративе корневых понятий ритуальной культуры чжэнши (正 视) (переосмыслить) и фансин (反 省) (одуматься), в связке с историей (历 史). Требования одуматься и переосмыслить историю характерны для исторической политики КНР по всем рассматриваемым направлениям.

В параграфе 2.3 с целью более комплексного понимания исторической политики анализируется внутривнутриполитический нарратив КНР по основным геополитическим вопросам.

Было выявлено, что внутренний нарратив КНР подразумевает единый взгляд на историю всех рассматриваемых вопросов и не предполагает множественных трактовок. Тайвань – часть Китая, не имеющая права на политическую автономию. Острова в ВКМ и ЮКМ – историческая территория Китая, возвращенная Китаю после победы в антияпонской войне. Важно, что воссоединение с данными территориями – важная часть внешнеполитического курса КНР, определяющегося концепцией китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации». Она предполагает, в частности, необходимость «воссоединения родины» и становление КНР как сильной морской державы.

В 3 главе определяются основные особенности внешнеполитического нарратива КНР по Тайваньскому вопросу, проблемам территориальной

принадлежности островов Дяоюйдао и остров в Южно-Китайском море в период с 2013 по 2021 гг.

В ходе работы были выявлены особенности внешнеполитического нарратива КНР по всем вышеперечисленным вопросам:

Ключевые составляющие исторической политики КНР по Тайваньскому вопросу в отношении Японии: 1. Апелляции к 4 китайско-японским политическим документам и требования выполнять данные китайской стороне обещания, т.е. не вмешиваться во внутренние дела КНР (так как Тайвань это часть Китая). 2. Указания на историческую вину японцев перед народом Китая и напоминания об оккупации Тайваня и событиях китайско-японской войны (1931-1945гг.). 3. Призывы переосмыслить прошлое и «правильно» понимать историю.

Важно, что именно форма призывов и используемые термины свидетельствуют о ритуальном аспекте исторической политики КНР. Японцы должны, прежде всего «выправить» взгляд на историю (正视历史). Японо-тайваньское сотрудничество для Китая является нарушением китайско-японских договоренностей и отрицанием агрессии, в частности в отношении Тайваня. С точки зрения ритуала это является грубым нарушением этики и подразумевает необходимость покаяться и «выправить» взгляд.

Что касается нарратива по вопросу островов Дяоюйдао, в данном случае, как и в случае с Тайванем, КНР обращается к истории японской агрессии. В целом, во внешнеполитическом историческом нарративе КНР в отношении Японии по данному вопросу можно выделить следующие аспекты: 1. Упоминания о том, что острова Дяоюйдао с древности являются неотъемлемой территорией Китая. 2. Апелляции к 4 китайско-японским документам. 3. Упоминания о китайско-японских войнах и утверждения о том, что возвращение островов Дяоюйдао является результатом победы в антифашистской войне. 4. Критика высокопоставленных японских чиновников, посещающих храм Ясукуни. 5. Призывы «правильно» смотреть

(переосмыслить) на историю и реальность, а также заявления о решимости КНР защищать свой суверенитет. 6. Ссылки на консенсус Китая и Японии по 4 пунктам.

Данный нарратив во многом схож с нарративом по Тайваньскому вопросу. Однако важной отличительной особенностью является признание КНР наличия японской точки зрения на проблему вокруг островов Дяоюйдао. Оно закреплено в консенсусе по 4 пунктам. На это почве официальные представители КНР часто заявляют о желании сотрудничать в ВКМ. Однако предполагаемые Китаем условия не приемлемы для Японии, поэтому на практике взаимодействия не происходит. Жёсткая позиция КНР во многом результат жесткого внутривластного нарратива, в рамках которого Дяоюйдао исконно китайская территория, и никто кроме Китая не может ей распоряжаться. При этом острова фактически контролируются Японией. В такой ситуации чрезмерная жесткость противоречит стратегическим интересам КНР. Официальные лица подчеркивают заинтересованность в китайско-японском диалоге на равных, но при условии «правильного» понимания истории и покаяние за агрессию. Это, в свою очередь, означает необходимость прервать политическое сотрудничество с Тайванем, передать острова Дяоюйдао Китаю и поступиться своими интересами в ЮКМ. То есть на практике никакого равноправного диалога по этим вопросам между КНР и Японией быть не может. Поэтому призывы к сотрудничеству остаются в нарративе, но на уровне декларации.

Нарратив КНР в отношении Японии по вопросу спорных островов в ЮКМ можно назвать вторичным, так как в нем, в основном, присутствуют все те же элементы, за исключением упоминаний о том, что Япония не является стороной конфликта: 1. Упоминания о неоспоримости суверенитета КНР над островами в ЮКМ и прилегающей акваторией, а также о законности строительства новых островов и рифов в ЮКМ. 2. Упоминания о китайско-японской войне (1931–1945 гг.) и утверждения о том, что возвращение

островов является результатом победы в ней. 3. Апелляции к 4 китайско-японским документам. 4. Ссылки на консенсус Китая и Японии по 4 пунктам. 5. Призывы переосмыслить (раскаяться) историю, а также заявления о решимости КНР защищать свой суверенитет. 6. Заявления о том, что Япония не является участником конфликта в ЮКМ и своими действиями лишь усиливает напряжение между странами региона.

Таким образом, можно заключить, что в стремлении решить назревшие внутри и внешнеполитические противоречия руководство КНР активно использует историческую политику – конструирует нарратив, ядром которого является победа в китайско-японской войне (1931–1945 гг.). Нарратив, в основании которого лежит возрождение былого величия и возвращение утраченного вследствие победы в войне, очень выгоден руководству КНР, так как подразумевает историческую правоту. С точки зрения внутренней политики он позволяет очертить понятный и одобряемый населением вектор развития в рамках концепции китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации», а также оправдать территориальную экспансию. На внешнеполитической арене он используется как инструмент давления на оппонентов, преимущественно на Японию.

Китай считает все спорные территории своими на основании их исторической принадлежности Китаю. Однако в случае со спорными островами в ВКМ и ЮКМ апелляции к периоду антияпонской войны манипулятивны и не имеют реальных оснований. Основная цель КНР – получение фактического контроля над спорными территориями.

Важно, что подобный нарратив вполне согласуется с ритуальностью китайской политики. Победа дает основания не только для возвращения утраченных земель, но и утраченного лидерства. С этой точки зрения ее можно воспринимать как возвращение к прежней матрице морального (и экономического) гегемона в Азии.

В практическом смысле КНР выгодно позиционировать Японию в качестве страны агрессора. Это открывает простор для дискурсивной гегемонии КНР как государства, избавившего Азию от японской угрозы. Это подтверждается на примере китайско-филиппинского конфликта на почве территориальной принадлежности островов Наньша. Китай осуществляет попытки давления на Филиппины, напоминая о совместном сопротивлении японским захватчикам и обвиняя филиппинцев в забвении истории. При этом не исключено, что Китай впоследствии может объявить и другие территории исконно китайскими и заявить свои права на них. Например, на острова Рюкю, которые на протяжении длительного времени находились в зависимости от Китайской Империи.

При этом уже на данном этапе подобный нарратив серьезно усугубляет китайско-японские противоречия. Анализ источников показывает, что японцы негативно реагируют на постоянные упреки со стороны КНР в забвении истории и возрождении милитаризма. Возникает тупиковая ситуация: нынешний внешнеполитический курс КНР определяется концепцией китайской мечты о «Великом возрождении китайской нации», ядром которой является победа в антияпонской войне. В связи с этим Китай интенсифицирует попытки воссоединения с «исконными» территориями. Япония проводит политику сдерживания КНР в ВКМ и ЮКМ в соответствии со своими интересами. Руководство Китая, в свою очередь, уличает Японию в желании возрождения милитаризма и продолжает требовать не вмешиваться во внутренние дела КНР, так как все спорные территории принадлежат ей по праву победы в войне.

Это неудивительно, так как право победителя – удобный предлог для претендующего на роль регионального (как минимум) лидера государства. Первой жертвой такого подхода станут китайско-японские отношения. На данном этапе Китай явно не готов разрешать китайско-японские противоречия на равных, так как Япония – проигравшая сторона. Фактическое признание

последней поражения является основой современных китайско-японских отношений. Крайне маловероятно, что ситуация как-то изменится в ближайшие десятилетия.

Апробация работы

I МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Цивилизации Востока: взгляд из XXI века, ВШЭ, Москва, 21-22 октября 2022 года. Доклад «Суверенитет в ритуальном социуме»

Ежегодная конференция «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», центр исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (ЦИОПСВ), Москва, 21-23 марта 2022 г., доклад «Историческая политика как инструмент КНР (на примере китайско-японских отношений)»

Список публикаций автора, в которых отражены основные научные результаты диссертации.

Малявин В. В., Казанцев А. Е. [Верховенство мнимости. Китайское мировоззрение как ресурс нового мирового порядка](https://globalaffairs.ru/articles/verhovenstvo-mnimosti/) // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 120-138. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/verhovenstvo-mnimosti/>

Казанцев А. Е. [Антияпонская война и историческая политика КНР](https://pdv.jes.su/s013128120018445-0-1/?sl=en) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 162-173. URL: <https://pdv.jes.su/s013128120018445-0-1/?sl=en>

Казанцев А. Е. [Тайваньский вопрос и историческая политика КНР в отношении Японии](https://pdv.jes.su/s013128120024221-4-1/) // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 9-20. URL: <https://pdv.jes.su/s013128120024221-4-1/>

Казанцев А. Е. [Проблема Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей в контексте исторической политики Китая в отношении Японии](https://sea.ivran.ru/articles?artid=212787) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 3. № 2(59). С. 212-223. URL: <https://sea.ivran.ru/articles?artid=212787>

Список литературы:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 324 с.

2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Изд-во Языки Славянской Культуры, 2004. – 363 с.
3. Видмарович Б. Политико-исторические проблемы и противоречия в китайско-японских отношениях с 2001 по 2009 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15: утв. 01.12.11. М, 2011. 222 с.
4. Дикарев А.Д. Китай – Япония: территориальный конфликт или региональная кооперация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №5. С. 162–171.
5. Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-китайском море и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №2. С. 5–15.
6. Забровская Л.В. Особенности китайско-японских отношений: прагматизм Китая и лавирование Японии // Проблемы национальной стратегии. 2013. №3. С. 67–83.
7. История Востока / под ред. Р.Г. Ланды, Р.Б. Рыбакова, Л.Б. Алаева. Изд. М.: Восточная Литература, 2006. Т. 5. 715 с.
8. Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. №1. С. 21–47.
9. Киреева А.А. Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем и Японией // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. №2. С. 231–242.
10. Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // Японские исследования. 2020. № 4. С. 21–39.
11. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. 2013. №3. С. 243–256.

12. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как элемент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. 2012. №4. С. 179–204.
13. Малявин В.В. Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Роцца, 2019. – 285 с.
14. Малявин В.В. Очерк образования и педагогики в старом Китае. Иваново: Роцца, 2019. С. 7.
15. Малявин В.В. Средоточия. Москва: Роцца академии, 2011. – 489 с.
16. Малявин В.В. Сумерки Дао. М.: АСТ, 2003. – 560 с.
17. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et contra. 2018. №3. С. 6–24.
18. Миллер А.И., Ефременко Д.В. Методологические вопросы изучения политики памяти. СПб: Нестор-история, 2018. – 224 с.
19. Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб: Изд-во Европейского университета, 2020. – 632 с.
20. Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб: Изд-во Европейского университета, 2020. – 632 с.
21. Перминова В.А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. 2021. №4. С. 80–90.
22. Санин К.А. Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. №3(20). С. 48–59.
23. Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. №4. С. 78–97.

24. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство, 2007. – 343 с.
25. Чэнь Ц. Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная? [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Razvitie_i_ekonomika/2013_7/15.pdf (дата обращения: 15.03.2022). С. 134–141.
26. Chan Y. World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. London, New York: Routledge, 2018. 238 p.
27. Clements K.P. Identity, Trust and Reconciliation in East Asia. London: Palgrave Macmillan, 2018. 302 p.
28. Coble P.M. China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // The China Quarterly. 2007. № 190. pp. 394-440.
29. Dent C.M. China, Japan and Regional Leadership in East Asia. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2008. 328 p.
30. Fogel J. Articulating the Sinosphere. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 217 p.
31. He Y. Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // History & Memory. 2007. №2. pp. 43–74.
32. Hoppens R. The China Problem in Postwar Japan. New York: Bloomsbury, 2015. 313 p.
33. Hsiung J.C. China and Japan at odds : deciphering the perpetual conflict. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 251 p.
34. Jian Z. The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations // China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past? / Ed. Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. pp. 15–34.
35. Katagiri N. Evolution of Sino-Japanese Relations: Implications for Northeast Asia and Beyond [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e->

ir.info/2019/04/10/evolution-of-sino-japanese-relations-implications-for-northeast-asia-and-beyond/ (дата обращения: 27.01.2021).

36. Khanna P. The Brilliance of China's Grand Strategy: Don't 'Own' Land, Just 'Use' It [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/the-brilliance-chinas-grand-strategy-dont-own-land-just-use-15741> (дата обращения: 01.02.2022).

37. Liu X. The Otherness of Self. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. 244 p.

38. Mitter R. China's Good War: How World War II Is Shaping a New Nationalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 336 p.

39. Mitter R., Moore A. China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. pp 225–240.

40. Reilly J. Remember History, Not Hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. pp 463–490.

41. Rose C. Interpreting History in Sino-Japanese Relations. London: Routledge, 2005. 277 p.

42. Seligman A.B. Ritual and its consequences: an essay on the limits of sincerity. New York: Oxford University Press, 2008. 248 p.

43. Shen S., Cheung M. Reshaping nationalism: Chinese intellectual response towards Sino-American and Sino-Japanese relations in the twenty-first century// The Pacific review. 2007. Vol. 20(4). pp. 475-497.

44. Sleebom M. Academic Nations in China and Japan. London: Routledge Curzon, 2004. 241 p.

45. Söderberg M. Chinese-Japanese Relations in the Twenty-first Century. London: Routledge, 2003. 220 p.

46. Weiss J.C. Powerful Patriots: Nationalism, Diplomacy, and the Strategic Logic of Anti-Foreign Protest. Ph. D. thesis. San Diego, 2008, 208 p.

47. 刘建平. 战后中日关系“不正常”历史的过程与结构 (Лю Ц. «Ненормальные» исторический процесс и структура послевоенных китайско-японских отношений). 北京: 社会科学文献出版社, 2010. 285 页.

48. 孙平化. 中日友好随想录 (Сунь П. Размышления о китайско-японских дружественных отношениях). 沈阳: 辽宁人民出版社, 2009. 449 页.

49. 蔡亮. “中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响” (Цай Л. «Эффект сплочения» в конфликте между Китаем и Японией: характеристики и влияние вмешательства Японии в тайваньский вопрос) // 东北亚学刊. 2022 年. 第 6 期. 82–95 页.

Источники:

1. Госсовет КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.cn> (дата обращения: 10.03.2021).

2. Жэньминь Жибао (人民日报) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 12.03.2021).

3. Заявление министра иностранных дел Ван И [Электронный ресурс].

URL:https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1116500.shtml (дата обращения: 05.03.2021)

4. МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/> (дата обращения: 10.03.2021).

5. Ответ официального представителя МИД КНР Цинь Гана на вопрос корреспондента о высказываниях министра иностранных дел Японии о так называемой "китайской военной угрозе" [Электронный ресурс].

URL:<http://www.chineseembassy.org/rus/xwfw/fvrth/fyrbthdhdw/t228117.htm> (дата обращения: 05.03.2021)

6. Ответы официального представителя МИД КНР Лю Цзяньчао на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 23 июня 2005 года

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t201345.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

7. Ответы представителя МИД КНР Кун Цюаня на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 21 сентября 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t191969.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

8. Посольство КНР в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/lsw/> (дата обращения: 10.03.2021).

9. Посольство КНР в Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://jp.chineseembassy.org/chn/> (дата обращения: 10.03.2021).

10. Посольство Японии в КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.cn.emb-japan.go.jp/itprtop_zh/index.html (дата обращения: 10.03.2021).

11. Синьхуа (新华) [Электронный ресурс]. URL: <http://m.xinhuanet.com/> (дата обращения: 10.03.2021)

12. BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world/asia/china> (дата обращения: 10.03.2021).

13. China Daily (中国日报) [Электронный ресурс]. URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/> (дата обращения: 12.03.2021).

14. CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/china> (дата обращения: 10.03.2021)

15. 中日关于全面推进战略互惠关系的联合声明 (Совместное заявление Китая и Японии о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676836/1207_676848/200805/t20080508_7993021.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

16. 中日关于建立致力于和平与发展的友好合作伙伴关系的联合宣言 (Совместная декларация Китая и Японии об установлении дружественного

партнерства и сотрудничества, приверженного миру и развитию) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/199811/t19981126_269878.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

17. 中日和平友好条约 (Китайско-японский договор о мире и дружбе) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/201807/t20180726_9866505.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

18. 中日就处理和改善中日关系达成四点原则共识 (Китай и Япония достигли принципиального консенсуса из четырех пунктов по урегулированию и улучшению китайско-японских отношений) [Электронный ресурс]. URL: http://sapporo.china-consulate.gov.cn/chn/zrdt/201411/t20141117_5275936.htm (дата обращения: 05.09.2023).

19. 全国人大外事委员会就日本政府宣布“购买”钓鱼岛及其附属岛屿发表声明 (Комитет по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей выступил с заявлением по поводу заявления японского правительства о «покупке» островов Дяоюйдао и прилегающих к ним островов) [Электронный ресурс]. URL: http://jp.china-embassy.gov.cn/zrgxnew/zywjnew/201209/t20120912_9463635.htm (дата обращения: 05.03.2021).

20. 外交部官员：习近平会见安倍晋三 双方达成十点共识 (Представитель МИД КНР: Си Цзиньпин встретился с Синдзо Абэ, и обе стороны достигли консенсуса по десяти пунктам) [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-06/27/c_1124681233.htm (дата обращения: 05.09.2023).

21. 日本国政府和中华人民共和国政府联合声明 (Совместное заявление правительства Японии и правительства Китайской Народной

Республики) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cn.emb-japan.go.jp/itpr_zh/bunken_1972seimei.html (дата обращения: 05.09.2023).